
Теория идей Джорджа Беркли*

А.П. БЕСЕДИН

В статье рассматривается важнейший аспект философского учения Джорджа Беркли – его теория идей. Первая часть посвящена анализу понятия идеи у Беркли, который заимствует это понятие у Локка, конкретизирует и значительно трансформирует его. Во второй части рассматривается вопрос о реальных и фантастических идеях в философии Беркли. Третья часть посвящена анализу классификации идей Беркли и проблеме идей рефлексии в его доктрине. В четвертой части обсуждаются разные типы отношений между идеями в философии Беркли.

In the article, the author considers an important aspect of Berkeley's philosophical doctrine – the theory of ideas. The first part contains an analysis of Berkeley's notion of idea. Berkeley borrows this notion from Locke to concretize and transform it. The problem of real and fantastical is discussed in the second part of the article. The third part discusses Berkeley's taxonomy of ideas and the problem of ideas of reflection in his philosophy. The types of relations between ideas are in the focus of attention in the fourth part.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: британский эмпиризм, ирландская философия, теория познания, сенсуализм, Дж. Беркли, Дж. Локк.

KEY WORDS: British empiricism, Irish philosophy, epistemology, sensationalism, George Berkeley, John Locke.

Понятие идеи занимает ключевое место в системе имматериализма Беркли. Беркли уделяет значительное внимание теории идей в “Трактате о принципах человеческого знания” и в “Трех разговорах между Гиласом и Филонусом”. Однако, ее развитие не является главной целью упомянутых произведений, направленных против материализма, скептицизма и атеизма. Она оказывается инструментом, помогающим Беркли опровергнуть ошибочные доктрины оппонентов и заложить фундамент собственной философии.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-53-00014, “Эволюция философских взглядов Джорджа Беркли”.

© Беседин А.П., 2014 г.

Беркли дает определение термину “идея” в § 45 “Опыта новой теории зрения”: «Я беру слово “идея” для обозначения любого непосредственного объекта чувства или ума [*understanding*] (в этом широком значении оно вообще употребляется современными писателями)» (NTV45)¹. В “Трех разговорах между Гиласом и Филонусом” Беркли возвращается к определению “идеи” и говорит, что это слово “обыкновенно употребляется философами для обозначения непосредственных объектов разума [*understanding*]”². В процитированных фрагментах Беркли подчеркивает, что придает термину “идея” значение, принятое среди философов того времени. В первую очередь имеется в виду Локк, у которого мы находим следующее определение идеи: “Все, что ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания [*understanding*], я называю идеєю...” [Локк 1985–1988 I, 183]. И Беркли, и Локк утверждают, что идея – это непосредственный объект ума³. Несмотря на видимое сходство, Локк и Беркли по-разному понимают термины, входящие в это короткое определение. И хотя этих терминов не так много, расхождения в их трактовке приводят к существенным различиям в системах.

Оба автора согласны, что идеи воспринимаются умом непосредственно. В “Трех разговорах между Гиласом и Филонусом” сторонник имматериализма Филонус, пытаясь прояснить свое понимание различия между непосредственным и опосредованным восприятием, приводит такой пример: “Когда я слышу, что по улице проезжает карета, я непосредственно воспринимаю только звук; однако на основании опыта, связывающего данный звук с каретой, мне могут сказать, что я слышу карету. Тем не менее очевидно, что в истинном и строгом смысле ничего нельзя слышать, кроме звука; и карета собственно не воспринимается в таком случае чувством, а подсказывается опытом. <...> Словом, лишь те вещи на самом деле воспринимаются каким-нибудь чувством, которые были бы восприняты и в том случае, если бы это же чувство было даровано нам впервые” [Беркли 1978, 294]. В этой реплике Беркли вводит практический критерий для выяснения того, воспринимаем ли мы объект непосредственно или опосредованно. Представим, что мы впервые используем чувство, которое доставляет нам идею объекта (например, звук кареты). Если мы впервые используем наш слух, то, как предполагает Беркли, мы не сможем связать этот звук с каретой, движущейся по улице. Значит, в приведенном примере мы не воспринимаем карету непосредственно. Но можно привести возражение, что карета не является непосредственным объектом восприятия ни для одного чувства. Действительно, этот объект, по Беркли, представляет собой собрание идей, включающее идеи зрения, осязания и даже вкуса. Непосредственное восприятие отдельной кареты означало бы одновременное восприятие всех ее свойств, невозможное для человека⁴. Но пассаж Беркли может быть модифицирован так, чтобы отразить эту атаку без ущерба для нашего рассуждения: непосредственно я слышу звук кареты, но опосредованно я воспринимаю некоторую видимую идею кареты; то есть опыт, связывающий этот звук с идеей кареты, подсказывает мне, что, если я подойду к окну, то буду непосредственно воспринимать видимую карету. И практический критерий Беркли остается в силе. Критерий “первого восприятия” открывает нам свойство идей, отличающее теорию Беркли от локковской, – все идеи конкретны. Ведь только конкретные идеи могут быть доступны нашему первому восприятию.

Такая вещь, как карета, может быть и объектом непосредственного восприятия, но существуют вещи, которые сами по себе не могут быть восприняты. Среди них мы находим и духовные субстанции, и христианские добродетели, и научные понятия. Они познаются опосредованно: “При чтении книги я непосредственно воспринимаю буквы, но опосредованно, или посредством этих последних, моему разуму внушаются понятия бога, добродетели, истины и т.д.” [Там же, 259]. Как и в случае с чувственными объектами, некоторые непосредственно воспринимаемые идеи – знаки – дают нам знание о некоторых вещах, актуально не воспринимаемых. Опосредованное знание предмета возможно только при посредстве идей [Там же, 313].

Важным положением философии Беркли является неоднократно повторяемое утверждение, что дух совершенно отличен от идей (РНК2, РНК27, РНК 139). Однако в “Трех

разговорах между Гиласом и Филонусом” Беркли через Филонуса говорит, что знает свой собственный ум “непосредственно или интуитивно” [Там же, 325]. Возникает противоречие: если только идеи могут быть непосредственными объектами ума, который не имеет ничего общего с идеями, то он сам не может восприниматься непосредственно. Чтобы избежать противоречия, Беркли подчеркивает, что непосредственное знание ума и идей – это два разных вида знания, и что термин “непосредственно” в отношении познания духа употребляется не в том же значении, что и в отношении восприятия идей⁵. По Беркли, невозможно непосредственно воспринять не только сам ум, но и его действия, о которых мы можем судить лишь по производимым результатам – идеям (РНК27).

Локк, у которого Беркли взял определение идеи, не предлагает такого же четкого критерия непосредственного восприятия. В то же время, он трактует непосредственное восприятие шире, чем Беркли. В частности, Локк признает, что мы можем иметь идеи действий ума: “Простые идеи рефлексии – это действия ума в отношении его других идей” [Локк 1985–1988 I, 177]. Значит, согласно собственному определению Локка, действия ума могут быть непосредственными объектами восприятия, мышления или понимания. Класс непосредственно воспринимаемых объектов – идей – по Локку оказывается значительно шире, чем по Беркли.

Локк и Беркли, определяя термин “идея”, утверждают, что идея – это объект ума (understanding). Этот английский термин переводится на русский язык по-разному: ум, понимание, познание, рассудок. Термин широко используется Локком и даже вынесен в название его “Опыта о человеческом разумении” (“An Essay concerning Human Understanding”). Локк иногда подразумевает под “understanding” познание, иногда ум вообще, иногда интеллект, иногда просто понимание. Таким образом, когда Локк говорит, что идея является объектом “understanding”, он может использовать его в самом широком смысле: тогда идея – это любой объект, доступный человеческому познанию.

Беркли также использует термин “understanding” довольно часто, в том числе и в широком смысле, но он четко определяет, чем является “understanding” в отношении идей. Воля и ум (understanding), по Беркли, являются главными силами духа: “Дух есть простое, нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется умом (understanding); как производящее их или иным способом действующее над ними – волей” (РНК27). То есть Беркли понимает под “understanding” способность души воспринимать идеи. Это приводит к кругу в определении: идея оказывается непосредственным объектом способности восприятия идей. Но эту тавтологию можно устранить. Разделение сил духа на волю и разум (understanding) принадлежит вовсе не Беркли: Локк определяет их в своем “Опыте” как модусы мышления [Локк 1985–1988 I, 287–288]. По-видимому, Локк следует за Декартом, который полагает, что “все имеющиеся у нас модусы мышления сводятся к двум основным: один из них – восприятие, или действие разума, другой – воление, или действие воли” [Декарт 1989, 327]. Локк выделяет три вида восприятия: “1) восприятие идей в нашем уме; 2) восприятие значения знаков; 3) восприятие связи или противоречия, согласия или несогласия, существующих между какими-либо нашими идеями” [Локк 1985–1988 I, 288]. Как мы видим, восприятие идей является по Локку лишь одним из видов восприятия. Однако тексты Беркли показывают, что для ирландского философа восприятие идей предстает его единственным видом. Остальные два вида восприятия, выделенные Локком, Беркли описывает в других терминах. В результате способность восприятия идей оказывается способностью восприятия вообще. Тогда идея – это непосредственный и единственный объект восприятия, о чем Беркли и говорит нам в “Трех разговорах между Гиласом и Филонусом”: “Вещи, говорю я [Филонус. – А.Б.], непосредственно воспринимаемые, суть идеи или ощущения” [Беркли 1978, 305].

От последнего определения идей как непосредственных объектов восприятия остается один шаг до утверждения, что *esse* идей есть *percipi*. Этот принцип Беркли оказывается просто формулировкой классического определения идеи Локка. В подтверждение этого можно отметить, что мысль Беркли, высказанная в этой формуле, почти тривиальна, ведь и Локк признает, что “идеи – это наличные восприятия в уме, которые перестают быть чем бы то ни было, когда их не воспринимают” [Локк 1985–1988 I, 199]. Локк не отрицал, что

для идеи существовать значит быть воспринимаемой, но не считал это специфическим свойством одних идей, так как есть и другие воспринимаемые объекты. Беркли же отождествляет класс воспринимаемых предметов с классом идей, признавая их единственными непосредственно воспринимаемыми объектами.

Если в отношении идей принцип “*esse* есть *percipi*” оказывается почти тавтологией, то в отношении воспринимаемых вещей он представляется открытием Беркли, на котором строится все здание его имматериализма. Хотя Беркли уже в §3 “Трактата о принципах человеческого знания” постулирует, что для физического объекта существовать значит быть воспринимаемым, этот принцип базируется на двух более фундаментальных положениях. Первое – тезис “*esse* есть *percipi*” в отношении идей. Второе – отождествление физического объекта с идеей этого объекта. Именно на доказательство того, что физические объекты не являются самостоятельно существующими и независимыми от духа (материальными) объектами, направлена большая часть рассуждений Беркли в “Трактате о принципах человеческого знания”.

Реальные и фантастические идеи

Отождествление физических объектов с их идеями создает для Беркли проблему различения реальных и фантастических идей. В “Трактате о принципах человеческого знания” Беркли отвечает на множество ожидаемых им возражений против своей доктрины, первое из которых заключается в том, “что, согласно вышеприведенным принципам, все то, что реально и субстанциально в природе, изгоняется из мира и заменяется химерической системой идей” (РНК34). В ответ на это Беркли вводит критерий различения реальных и фантастических идей: человеческие духи по своему усмотрению “вызывают в себе идеи; но эти идеи бледны, слабы, неустойчивы по сравнению с теми, которые мы воспринимаем в чувствах. Эти последние идеи, будучи запечатлеваемы в нас по известным правилам и законам природы, свидетельствуют о действии ума, более могущественного и мудрого, чем ум человеческий. Такие идеи, как говорят, имеют больше реальности, чем предыдущие; это значит, что они более ясны, упорядочены, разделены и что они не являются фикциями ума, воспринимающего их” (РНК36). Таким образом, идеи реальных вещей (1) более ярки, (2) упорядочены, (3) происходят от другого духа – Бога. Пункт (1) превосходит позицию Юма, который предлагал различать восприятия и идеи по их силе или живости [Юм 1996 I, 62]. Как и у Юма, этот критерий не является решающим: фантастическая идея может приближаться по яркости к реальной. Пункт (2) призван подчеркнуть, что идеи реальных объектов возникают в нашем уме по строгим правилам – законам природы. Но это свойство реальных идей тоже оказывается второстепенным и не всегда им присущим. Действительно, Беркли допускает, что Бог может изменять привычный ход вещей и совершать чудеса (РНК57, РНК84). Идеи, испытываемые нами при чудесном событии, выпадают из естественного хода природы, то есть не соответствуют пункту (2). Тем не менее, мы должны признать их реальными, если они соответствуют (1) (РНК84). Пункт (3) оказывается самым важным среди перечисленных. Можно создать сколь угодно яркую и упорядоченную последовательность идей в своем воображении, но до тех пор, пока эти идеи будут произведениями моего собственного ума, они не будут реальными. О реальных идеях мы знаем, что воспринимаем их не по собственной воле; но это не исключает того, что эти идеи могут быть произведены нашим собственным умом бессознательно. Американский исследователь К. Уинклер доказывает, что Беркли не допускает такого бессознательного творчества идей [Уинклер 1989, 207–216]. Уинклер описывает концепцию, названную им “отрицание слепой активности”, которая разделялась многими европейскими философами, в том числе Декартом и Локком. Кратко эта концепция выражена в письме Декарта к Мерсенну от 28 января 1641 г.: “Я утверждаю, что мы обладаем идеями всего того, что содержится не только в нашем разуме, но и в нашей воле. Ведь мы не могли бы ничего желать, если бы не знали, что мы этого желаем, причем если бы не знали этого при помощи некой идеи; однако я вовсе не полагаю, будто идея эта

отлична от самого действия” [Декарт 1989 I, 610]. Это означает, что ум не может действовать, не зная, что он действует. Беркли высказывает это в своих философских записных книжках 1707–1708 гг.: “Качества всех вещей есть в Боге, то есть в Божественном разуме, как и в воле. Он не слепой деятель; поистине, слепой деятель – это противоречие” (N812). Беркли не возвращается к проблеме “слепой активности” в опубликованных работах, поскольку, как считает Уинклер, ее отрицание было “общим местом философии духа семнадцатого века” [Уинклер 1989, 209]. Таким образом, приведенное возражение (что мы можем быть бессознательными творцами реальности) можно легко опровергнуть, и критерий (3) остается в силе.

Соответственно трем перечисленным критериям, идеи воображения и памяти отличаются от реальных тем, что они не так ярки и упорядочены, а также тем, что мы сами являемся их источниками. Но идеи памяти и воображения имеют ряд специфических свойств. Такие идеи, хотя и являются произведениями нашего собственного ума, все же происходят от изначально воспринятых реальных идей (I10, РНК1), являясь их образами (РНК33). Использование термина “идея” и в отношении физических объектов, и в отношении их образов в уме может внести путаницу. Беркли специально извиняется перед читателем за это непривычное употребление термина “идея” и оговаривается, что “идеи, запечатленные в ощущениях творцом природы” следовало бы называть действительными вещами, а образы воображения и памяти – идеями в собственном смысле слова (РНК33). Тем не менее, он продолжает использовать термин “идея” в отношении реальных вещей, предпочитая следовать не общепринятому употреблению слов, а “истине выражения” (РНК38).

Хотя идеи воображения – это образы вещей, они не являются копиями реальных идей в строгом смысле. Беркли специально обсуждает этот вопрос в своем письме к С. Молине от 8 декабря 1709 г.: “Идеи, присутствующие в воображении, строго говоря, не должны быть образами того, что они представляют <...> К тому же, когда вы воспроизводите в своих мыслях, к примеру, идею какого-нибудь дома или города, эта идея очень приблизительно напоминает вещь, которую представляет, и не в каждой детали точно ей соответствует. И все же она может служить большинству [наших] интересов и целей, как она это и делает” [Беркли 2013, 29]. Мы как конечные духи обладаем ограниченными возможностями. Наша способность воображения недостаточна для удержания в уме слишком сложных идей, какими являются многие реальные идеи. Если бы мы обладали способностью сохранять в памяти точные копии действительных вещей, а потом воспроизводить их в уме, то у нас была бы, по Беркли, способность творить эти реальные вещи, доступная только бесконечному духу – Богу. Другая особенность идей воображения связана с тем, что мы можем не только воспроизводить ранее воспринятые идеи, но и разнообразно сочетать и делить их (I10).

Как было показано выше, реальные идеи (вещи) происходят от бесконечного духа, а не от нас самих. Это положение сближает Беркли с Мальбраншем и отдаляет от Локка. Идеи вещей вызываются в нас, по Локку, первичными и вторичными качествами, существующими в самих вещах. Идеи доставляются “на аудиенцию в мозг, в приемную ума (если можно так выразиться)” [Локк 1985–1988 I, 171], через органы чувств и нервы, и этот процесс происходит без участия Бога. В системе Мальбранша мы наблюдаем обратную картину. А.А. Кротов так комментирует позицию Мальбранша: “Идеи <...> могут созерцаться людьми только благодаря содействию божественной воли – и не иначе. В ситуации, когда естественное взаимодействие субстанций невозможно, только Высшая сущность может помочь человеческой душе стать обладательницей знаний о предметах, субстанциально от нее отличных” [Кротов 2012, 149]. Конечно, о взаимодействии субстанций в имматериализме Беркли речи быть не может, так как существует только одна субстанция; Беркли признает Бога источником наших идей ощущений по другим причинам. В итоге идеи, тождественные вещам, превращаются в особый класс объектов, более реальных, чем фантомы нашего воображения, но не существующих самостоятельно, как духи.

Беркли начинает обсуждать свойства реальных и воображаемых идей в параграфе РНК30, но само разделение он вводит гораздо раньше. “Трактат о принципах человеческого знания” начинается с классификации объектов познания: “Для всякого, кто обозревает объекты человеческого познания, очевидно, что они суть либо идеи, действительно воспринимаемые чувствами, или такие, которые воспринимаются через обращение к страстям и действиям ума, или, наконец, идеи, сформированные с помощью памяти и воображения, соединяющего, разделяющего или просто репрезентирующего те, что были изначально восприняты указанными выше путями” (РНК1)⁶. В РНК2 Беркли констатирует, что “рядом с этим бесконечным разнообразием идей или предметов знания” существует познающий их ум. Из РНК2 видно, что под “объектами человеческого знания” в РНК1 Беркли подразумевает именно идеи.

Беркли делит идеи на три класса. Следуя за Д. Дикером, мы можем перефразировать процитированную часть первого параграфа “Трактата” следующим образом: “Все объекты человеческого знания суть либо (а) идеи воспринятые чувствами, либо (б) идеи, воспринятые через интроспекцию, либо (с) сложные идеи, образованные при помощи операций над (а) и (б)” [Дикер 2011, 68]. Класс идей (с) – это уже известные нам идеи памяти и воображения. Дикер ошибочно относит все эти идеи к сложным. Реальные идеи соответствуют классу (а). Группа идей (б) – особый класс идей, который будет рассмотрен ниже. Д. Дикер и С. Риклесс отмечают сходство между приведенной классификацией и делением идей, предложенным Локком в “Опыте о человеческом разумении”: “В РНК1 <...> Беркли делит объекты человеческого знания на три взаимоисключающих и исчерпывающих категории: идеи ощущений, идеи рефлексии и идеи памяти и воображения” [Риклесс 2013, 121]. Эту же позицию занимает Дикер [Дикер 2011, 68].

Прежде всего, нужно отметить, что Локк нигде не дает именно такого трехчастного деления идей. С другой стороны, Беркли, как и любой читатель Локка, мог легко составить подобную классификацию из отдельных его высказываний, тем более что она ничуть не искажает букву “Опыта о человеческом разумении”. Первый класс идей, выделенный Беркли, включает в себя “идеи, действительно воспринимаемые чувствами”, которые, по предположению Риклесса, соответствуют идеям ощущений у Локка. В эту группу попадает, например, простая идея красного. Но по Беркли идея красного цвета не может быть сама по себе отнесена к первой группе. Мы можем это сделать только в том случае, если указанная идея действительно нами воспринимается, а если мы припоминаем или воображаем нечто красное, то эта идея должна быть отнесена к третьему классу идей, “сформированных с помощью памяти и воображения”. Уже этот простой пример демонстрирует, что классификация Беркли не калькирует локковскую, как это может показаться на первый взгляд.

Но можно предположить, что Беркли, хотя и не заимствовал трехчастное деление идей напрямую у Локка, хотел, чтобы его классификация была похожа на локковскую. Некоторые авторитетные исследователи Беркли [Айэрс 2005, 47–48; Берман 2005, 22–23] полагают, что он намеренно пытался создать у читателя такое впечатление, чтобы показаться большим локкианцем, чем он был на самом деле. Это было ему необходимо, якобы, для того чтобы сгладить ожидаемый недружелюбный прием публикой его необычной доктрины. Такая трактовка основывается на очень распространенном в берклиеведении предположении, что у Беркли была особая “стратегия” осторожного изложения своей философии [Берман 1994, 22–29]. Упомянутые выше исследователи допускают, что Беркли для получения благосклонности читателей мог высказывать положения, разделяемые большинством интеллектуалов того времени, но не им самим. В пользу того, что классификация идей из РНК1 является лишь реверансом в сторону Локка, а не отражением собственных взглядов Беркли, высказывается такой аргумент. Второй тип объектов познания, выделяемый Беркли, соответствует локковским идеям рефлексии. Но Беркли не мог допустить существование идей такого типа, ведь все наши идеи неактивны и не имеют ничего общего с активностью, а идеи рефлексии должны отражать действия ума. Таким образом,

идеи рефлексии невозможны; значит, Беркли включил их в свою классификацию, чтобы угодить читателям.

Предположение, что Беркли писал вовсе не то, что думал, стоит отбросить уже из-за кроющейся в нем угрозы для всего берклиеведения. Делая такое допущение, исследователь может по своему усмотрению одни высказывания Беркли считать его истинной позицией, а другие – уступками веяниям интеллектуальной моды. Пример необдуманного следования этому предположению в истории есть: Дж. Джонстон в начале XX в. создал образ Беркли-обманщика, скептика, стремившегося стать лидером свободомыслящих философов своего времени [Джонстон 1923].

Но, даже если мы отбросим допущение, что Беркли намеренно пытался показаться сторонником Локка, аргумент против идей рефлексии не теряет своей силы, к тому же сохраняется противоречие между РНК1 и другими параграфами “Трактата”, в которых Беркли утверждает, что идеи абсолютно пассивны.

Возможный вариант решения этой проблемы предлагает Уинклер [Уинклер 2011]. Он основывается на неясности самого параграфа РНК1: говоря об объектах познания второго класса, Беркли не называет их идеями, а обозначает местоимением “такие”, которое может относиться как к слову “идеи”, так и к слову “объекты”. Идеи рефлексии противоречивы, значит, местоимение “такие” не относится к слову “идеи”, и нам ничего не остается, как признать, что Беркли имеет в виду именно “объекты”. Так Уинклер приходит к выводу, что в философии Беркли существует особый тип феноменов, отражающих страсти и действия ума. Но эта интерпретация противоречит РНК2, где Беркли прямо называет объекты познания из РНК1 идеями. К тому же в РНК25 Беркли упоминает идеи рефлексии, а в РНК68 и РНК74 говорит об идеях, воспринимаемых рефлексией. Предположение, что Беркли допускал идеи рефлексии, находит большее текстуальное подтверждение, чем гипотеза Уинклера об особых феноменах, соответствующих действиям ума, нигде не упоминаемых Беркли.

Существование идей рефлексии в том смысле, который им придает Локк, Беркли действительно допустить не мог. Но в РНК1 и не говорится, что идеи второго класса являются идеями действий. Беркли утверждает, что они “воспринимаются через обращение к страстям и действиям ума”. Д. Флейг отмечает важную характеристику идей рефлексии – их происхождение: “Идеи ощущений – это произведения ума или умов, отличных от нашего собственного; идеи рефлексии – произведения только нашего собственного ума” [Флейг 2006, 10]. Действительно, когда Локк вводит понятия ощущения и рефлексии во второй книге “Опыта”, он различает их именно как два источника идей, а не как два способа их получения [Локк 1985–1988 I, 154]. При этом память и воображение не являются самостоятельным источником идей, они лишь копируют и комбинируют идеи, полученные другими путями. Но как страсти и действия ума могут быть источниками идей?

Беркли заканчивает РНК1 следующими словами: “Другие собрания идей составляют камень, дерево, книгу и тому подобные чувственные вещи, которые, смотря по тому, приятны они или неприятны, вызывают страсти ненависти, радости, горя и т.п.”. Страсти сами по себе восприняты быть не могут, но мы несомненно их испытываем. В последней фразе РНК1 Беркли дает нам подсказку: аффекты доступны только в сочетании с идеями воспринимаемых объектов (реальными или воображаемыми). Предположим, я воспринимаю картину, вызывающую у меня радость. Зрением я воспринимаю только цветочные пятна, а радость является произведением моего собственного ума. При других обстоятельствах я мог бы видеть ту же самую картину, но она вызывала бы во мне гнев. Реальные идеи, “действительно воспринимаемые чувствами”, очевидно, не несут никакой эмоциональной окраски. Поэтому идея, сопряженная с аффектом, не может быть воспринята одними лишь внешними чувствами, для ее восприятия необходимо обращение к страстям и действиям ума. При этом, поскольку аффект всегда сопровождается некоторыми чувственными идеями, теория абстракции Беркли запрещает нам выделить идею некоторого конкретного аффекта как таковую. Таким образом, идеи второго класса, воспринимаемые “через обращение к страстям и действиям ума”, оказываются чувственными идеями, сопряженными с аффектами⁷.

Идеи рефлексии должны составлять класс идей, отличных от идей чувств и воображения. По яркости идеи рефлексии соответствуют реальным, а по упорядоченности – воображаемым. Такие идеи производятся при участии нашего духа, и мы об этом знаем, значит, условие “отрицания слепой активности” не нарушается. Но ум участвует в создании таких идей произвольно. Здесь нужно оговориться, что Беркли, хотя и считает активность сущностной характеристикой ума, не утверждает, что вся она произвольна. Он упоминает только несколько видов произвольной активности, в частности, деятельность воображения: “Я нахожу, что могу произвольно вызывать в моем духе идеи и изменять и разнообразить их вид так часто, как я найду нужным. Мне стоит лишь захотеть, и немедленно та или иная идея возникает в моем воображении, и той же силой она устраняется и уступает место другой” (РНК28). В другом месте Беркли пишет, что мы можем произвольно двигать членами собственного тела (РНК147). Иные действия конечных духов, например, связанные с аффектами, могут быть определены Богом, создавшим конечные умы. Идеи рефлексии во многом оказываются ближе к реальным идеям, чем к воображаемым. Но термин “реальные идеи” Беркли отождествляет с физическими вещами, не включающими идеи рефлексии, поэтому они должны быть выделены в особый класс идей, очень мало обсуждаемый Беркли.

В РНК1 Беркли классифицирует идеи по двум признакам. Первый – создаются ли они при участии человеческого ума. Второй – создаются ли они по сознательному желанию конечного духа. В таком случае, первый класс идей – реальные идеи – включает в себя те, что создаются без участия конечных духов и без их сознательного желания. Второй класс идей – идеи рефлексии – это те идеи, которые создаются при участии конечных умов, но без их сознательного желания. Идеи памяти и воображения – третий класс идей – создаются при участии конечных духов произвольно. Эта таксономия подразумевает еще одну группу идей – идеи, создаваемые без участия конечных духов, но по их желанию. Такие идеи представляли бы собой реальные вещи, создаваемые и уничтожаемые как по волшебству. Нельзя сказать, что Беркли полностью исключает существование таких спонтанно возникающих реальных идей, ведь он допускает чудеса, что даже провозглашается одним из преимуществ имматериализма (РНК84).

Отношения между идеями

До сих пор речь шла только об отдельных идеях и их свойствах. Но в основе человеческого знания лежат не разрозненные идеи, а упорядоченные определенным образом. Беркли выделяет несколько отношений между идеями, наиболее важным из которых является сходство. В опубликованных работах Беркли не проясняет, что значит для идеи быть похожей на другую, но в записных книжках есть четкое разъяснение на этот счет: “Вещь, похожая на другую вещь, должна сходиться с ней в одной или нескольких простых идеях” (N378). Этот критерий касается только сложных идей. О сходстве простых идей Беркли пишет: “Одна простая идея может быть образцом или подобием только другой [простой идеи]. Коль скоро они отличаются, одна не может напоминать другую” (N885). Отношение сходства между простыми идеями оказывается отношением тождества. Действительно, если простые идеи хоть немного различаются, как утверждает Беркли, они уже не сходны между собой. Простые идеи могут быть похожи только тогда, когда между ними нет никаких различий, то есть только когда они тождественны. В своих записных книжках Беркли занимает позицию атомизма в сфере восприятия. Это означает, что “каждое простое впечатление – это чистое содержание [ума], не находящееся ни в каких отношениях с другими простыми впечатлениями, кроме простого качественного тождества с ними или простого качественного отличия от них. Из этого следует, что только сложные идеи могут иметь степени сходства, например, сложная идея ABC будет похожа на сложную идею ABD в большей степени, чем на сложную идею ADE, потому что она имеет с ней больше общих компонентов” [Фогелин 1984, 265].

Отношение сходства между идеями играет очень важную роль в философии Беркли. Благодаря ему мы можем не только распознавать похожие предметы, но и вообще различать отдельные вещи. К тому же отношение сходства оказывается в центре одного из аргументов Беркли против материализма. В РНК8 Беркли обсуждает вопрос о том, знакомы ли нас чувства с вещами, существующими вне ума, – материальными объектами. В связи с этим он пишет: “Но вы скажете, что, хотя идеи сами по себе и не существуют вне ума, все же могут быть вещи, похожие на них и существующие вне ума в немыслищей субстанции, копиями или подобиями которых они являются. Я отвечу, что идея не может быть похожа ни на что иное, кроме идеи; цвет или фигура не могут быть похожи ни на что, кроме другого цвета или фигуры. Если мы немного всмотримся в наши мысли, то обнаружим, что для нас невозможно постигнуть сходство иное, кроме как между нашими идеями” (РНК8)⁸. В приведенном фрагменте Беркли постулирует так называемый “принцип сходства” – likeness principle. Он выступает краеугольным камнем важнейшего аргумента Беркли против материалистов. Первый шаг Беркли против материализма – это опровержения тезиса, что чувства могут непосредственно знакомить нас с материальными предметами или их свойствами. Именно против этого положения направлен “принцип сходства”, и если он не выполняет своей функции, то вся аргументация Беркли рухнет.

В “Трактате о принципах человеческого знания” Беркли вводит “принцип сходства”, апеллируя лишь к здравому смыслу и собственному опыту читателя, но в записных книжках есть его доказательство. Фрагмент N378 представляет собой цепочку рассуждений. Этот фрагмент интересен нам в пунктах 16 и 18 (все пункты у Беркли пронумерованы): “16. О двух вещах нельзя сказать, похожи они или нет, до тех пор, пока их не сравнили <...> 18. Ум не может сравнивать ничего, кроме своих идей” (N378). Далее Беркли переходит к обсуждению других вопросов и явно не формулирует “принцип сходства”, который следует из пунктов 16 и 18. Можно возразить, что положение “ум не может сравнивать ничего, кроме своих идей” само нуждается в доказательстве. Такое доказательство легко реконструировать: очевидно, что ум может сравнивать только доступные ему объекты. Сравниваемые объекты могут быть доступны уму либо непосредственно, либо опосредованно. Если это непосредственные объекты ума, то это идеи. Если эти объекты даны уму опосредованно, то через посредство идей, которые и выступают объектами сравнения. Значит, ум может сравнивать только свои идеи.

Все отношения между идеями зависят от активности ума, хотя бы потому, что само произведение идей зависит от воли духов. Но отношение сходства основано на свойствах самих идей, поэтому оно произвольно. В то же время Беркли допускает, что ум может устанавливать произвольные отношения между идеями. Два важнейших вида произвольных отношений между идеями – это репрезентация и обозначение. Одна идея может репрезентировать другую, если между этими идеями имеется сходство. Возьмем для примера идею жара пламени, рассматриваемую Беркли в РНК65. В отношении репрезентации к этой действительно испытываемой мной идее будет выступать воображаемая мной идея тепла, и возможно это только благодаря тому, что представляемая мной идея похожа на реальную. Отношение репрезентации тесно связано с отношением сходства, но нужно отметить важное различие: в случае с репрезентацией одна идея всегда выступает знаком похожей идеи. Отношение сходства, в свою очередь, не предполагает, что одна из идей является знаком другой. Отношение репрезентации возможно между реальными и воображаемыми идеями в любых комбинациях. Например, реальная модель дома может репрезентировать сам дом, или мой реальный рисунок может репрезентировать идею в моем воображении.

Другой тип отношений между идеями – это отношение обозначения. Сходство между идеями не является необходимым условием этого отношения, что отличает его от репрезентации. Беркли, как и другие философы Нового времени, при обсуждении отношения знака и обозначаемого постоянно обращается к метафоре языка. Беркли пишет: “Посредством связи, которую мы узнаем на опыте, видимые идеи обозначают и внушают их [идеи осязания] нам так же точно, как слова какого-нибудь языка внушают идеи, для замены которых они составлены” (РНК43). Человеческий язык основан именно на отношении обозначения. Идеи слов (скажем, звуки) “внушают” нам обозначаемые ими идеи. На деле это

означает, что восприятие определенной идеи переносит ум к восприятию обозначаемой идеи или ее образа. Но отношения знака и обозначаемого могут существовать не только между идеями. “При чтении книги я непосредственно воспринимаю буквы, но опосредованно, или посредством этих последних, моему разуму внушаются понятия бога, добродетели, истины и т.д.” [Беркли 1978, 259]. Не все слова обозначают идеи, утверждает Беркли (I20). Некоторые слова обозначают мыслящие субстанции, некоторые побуждают к действию, а некоторые вообще лишены смысла. Если обозначаемым могут выступать различные объекты, то знаками могут быть только идеи. Таким образом, отношение обозначения между идеями – частный случай отношения обозначения вообще.

Отношение знака к обозначаемому в случае с человеческим языком конвенционально. Мы можем по договоренности менять свой язык, как пожелаем. Однако знаки существуют не только в языке, но и в природе. Например, в приведенной выше цитате из РНК43 Беркли утверждает, что зрительные идеи являются знаками идей осязания. По Беркли истинной причиной чего-либо может быть только активный дух, тогда как “связь идей не предполагает отношения причины к следствию, а только метки и знака – к вещи обозначаемой” (РНК65). Все причинно-следственные связи в мире сводятся к отношениям обозначения, установленным по воле Бога. Однако реальные идеи возникают и уничтожаются в соответствии с постоянными законами природы, и можно заключить, что произвольное отношение обозначения к ним неприменимо. Но Беркли оговаривается, что эти связи установлены Богом по своему соизволению и могут быть легко им изменены, поэтому они так же произвольны, как и отношения слов к обозначаемым предметам (TVV40), установленные людьми.

Отношения сходства и репрезентации лежат в основе теории общих идей Беркли, согласно которой “известная идея, будучи сама по себе частной, становится общей, когда она представляет или заменяет все другие частные идеи того же рода” (I12). Общей идеей может быть как идея памяти, так и реальная идея. В случае с идеей памяти она включает в себя только существенные качества предмета, как в примере с идеей конкретного города, который Беркли приводит в письме к Молине. Реальной общей идеей может быть, скажем, чертеж треугольника, с помощью которого мы доказываем теорему обо всех треугольниках (I16). При этом мы обращаем внимание на те свойства этой идеи-представителя, которые считаем существенными, и игнорируем те, которые нам неинтересны. Общая идея находится к частным идеям в отношении репрезентации: ведь сам способ образования общих идей, предложенный Беркли, предполагает, что они должны быть сходны между собой. Поэтому отношение обозначения между идеями не ведет к образованию общих идей.

Заключение

Беркли отталкивается от классического определения идеи, данного Локком, и значительно сужает понятие идеи. В философии Беркли идеи оказываются конкретными непосредственными объектами восприятия, а не любыми предметами познания вообще. Конкретизируя понятие идеи, Беркли отказывается от локковского представления, что все наше знание “есть лишь восприятие связи и соответствия либо несоответствия и несовместимости любых наших идей” [Локк 1985–1988 II, 3]. Наше знание действительно начинается с идей, но потом оно переходит в сферу, где идеи могут быть лишь знаками вещей, не доступных непосредственному восприятию, будь то таинства христианства или понятия науки. Тогда идеи выступают “как буквы в алгебре, которые, хотя и обозначают определенные числа, не внушают их нашим мыслям при каждом шаге, хотя при этом мы можем рассуждать о них или производить операции над ними” [Беркли 2013, 29]. Таким образом, теория идей в философии Беркли составляет лишь основу его теории познания.

ЛИТЕРАТУРА

Айэрс 2005 – *Ayers M. Was Berkeley an Empiricist or Rationalist? / The Cambridge Companion to Berkeley.* Winkler K.P., ed. Cambridge, 2005.

- Белфре 2011 – *Belfrage B.* Berkeley's Way towards Constructivism, 1707–1709 / Berkeley's Lasting Legacy: 300 Years Later. Airaksinen T. and Belfrage B., eds. Newcastle upon Tyne, 2011.
- Беркли 1976 – *Berkeley G.* Philosophical Commentaries. Thomas G.H., ed. Alliance, 1976.
- Беркли 1978 – *Беркли Дж.* Сочинения. М., 1978.
- Беркли 2008 – *Berkeley G.* Philosophical writings. Clarke D.M., ed. Cambridge, 2008.
- Беркли 2013 – *Berkeley G.* The Correspondence of George Berkeley. Hight M.A., ed. Cambridge, 2013.
- Берман 1994 – *Berman D.* George Berkeley: Idealism and the Man. Oxford, 1994.
- Берман 2005 – *Berman D.* Berkeley's Life and Works / The Cambridge Companion to Berkeley. Winkler K.P., ed. Cambridge, 2005.
- Беседин 2013 – *Беседин А.П.* Дух как объект познания в имматериализме Беркли // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. М., 2013, № 5. С. 17–25.
- Декарт 1989 – *Декарт Р.* Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. I.
- Джонстон 1923 – *Johnston J.A.* The development of Berkeley's Philosophy. London, 1923.
- Дикер 2011 – *Dicker G.* Berkeley's Idealism. Oxford, 2011.
- Кротов 2012 – *Кротов А.А.* Мальбранш и картезианство. М., 2012.
- Локк 1985–1988 – *Локк Дж.* Сочинения в трех томах. М., 1985–1988.
- Маккракен 1999 – *McCracken C.* Berkeley's Notion of Spirit / The Empiricists: Critical Essays. Atherton M.R., ed. Lanham, 1999.
- Риклесс 2013 – *Rickless S. C.* Berkeley's Argument for Idealism. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Уинклер 1989 – *Winkler K.P.* Berkeley, an Interpretation. Oxford, 1989.
- Уинклер 2011 – *Winkler K.P.* Marvelous Emptiness: Berkeley on Consciousness and Self-Consciousness / Berkeley's Lasting Legacy: 300 Years Later. Airaksinen T. and Belfrage B., eds. Newcastle upon Tyne, 2011.
- Флейг 2006 – *Flage D.* Berkeley's Ideas of Reflection // Berkeley's Newsletter. 2006. № 17. P. 7–13.
- Фогелин 1984 – *Fogelin R.J.* Hume and the Missing Shade of Blue // Philosophy and Phenomenological Research. 1984. № 2. P. 263–271.
- Юм 1996 – *Юм Д.* Сочинения в двух томах. М., 1996.

Примечания

¹ При цитировании работ Беркли будут использоваться следующие общепринятые сокращения: NTV45 – “Опыт новой теории зрения” (“New Theory of Vision”), § 45; PHK33 – “Трактат о принципах человеческого знания” (“Principles of Human Knowledge”), § 33; I10 – Введение к “Трактату о принципах человеческого знания” (“Introduction”), § 10; TVV40 – “Теория зрения или зрительного языка” (“Theory of Vision Vindicated”), § 40. Кроме особо оговоренных случаев, перевод дается по изданию [Беркли 1978]. При цитировании записных книжек Беркли будет даваться ссылка формата N19, где N – сокращение для “Notebooks”, а число – номер фрагмента по изданию [Беркли 1976].

² Цитата дается в моем переводе по [Беркли 2008, 216].

³ Беркли употребляет как синонимы термины “ум”, “дух”, “душа”, “мыслящая субстанция”. Для обозначения человеческого ума Беркли часто использует термины “конечный ум” или “конечный дух”. Словами “бесконечный ум” и “бесконечный дух” Беркли обозначает Бога. Таким же образом эти термины будут использоваться в настоящей статье.

⁴ Понятие непосредственного восприятия по-разному трактуется Беркли в “Опыте новой теории зрения” и “Трех разговорах между Гиласом и Филонусом”, из-за чего возникают трудности в интерпретации его позиции. В данной статье обсуждаются только самые базовые и бесспорные свойства непосредственного восприятия по Беркли. Подробнее о непосредственном восприятии у Беркли см.: [Дикер 2011, 84–138; Риклесс 2013, 10–90].

⁵ О проблеме познания духа в философии Беркли подробнее см.: [Маккракен 1999; Уинклер 2011; Беседин 2013].

⁶ Цитата дается в моем переводе по [Беркли 2008, 83].

⁷ В рамках этой статьи нет возможности развернуто обсудить проблему идей рефлексии у Беркли. Можно только добавить, что Беркли слишком мало обсуждает эту проблему, чтобы исследователи могли прийти к единому мнению. Приведенная выше интерпретация не в меньшей степени согласуется с текстами Беркли, чем гипотеза Флейга, что идеи рефлексии относятся к действиям ума как знаки к обозначаемому [Флейг 2006], или предположение Белфре, что все сложные идеи конструируются при активном участии ума, поэтому все сложные идеи воспринимаются путем обращения к действиям ума [Белфре 2011].

⁸ Цитата дается в моем переводе по [Беркли 2008, 85].